

ИЖ (О) ВЪ ИЖЪ
МЪ ИЖЪ Р

ИЖ (О) ВЪ ИЖЪ

ИЖ (О) ВЪ ИЖЪ

ИЖ (О) ВЪ ИЖЪ

3

1963

Н О В Ы Й М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIX

№ 3

Март, 1963 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
ВЫСОКАЯ ИДЕЙНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО — ВЕЛИКАЯ СИЛА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА. Речь товарища Н. С. ХРУЩЕВА на встрече руководителей партии и пра- вительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года	3
В. ЛИПАТОВ — Черный Яр, повесть	34
АЛЕКСАНДР ЯШИН — Огонек, стихи	114
И. ЭРЕНБУРГ — Люди, годы, жизнь. Книга пятая. Окончание	116
Д. САМОЙЛОВ — Два стихотворения	140
И. ИСАКОВ — Конец одной «девятки» (Из невыдуманных рассказов)	142
ЛЕОНИД КИСЕЛЕВ, ученик 10 класса школы № 37, г. Киев — Первые стихи	159
ДИМИТРИС ХАДЗИС — Детектив, рассказ. Перевела с новогреческого Н. Подземская	161
ХИРОСИ НУЯМА — Стихи из тюрьмы. С японского. Перевел Анатолий Мамонов	171
ПУБЛИЦИСТИКА	
ЛЕОНИД ИВАНОВ — В родных местах	174
В МИРЕ НАУКИ	
Проф. А. ЧИЖЕВСКИЙ — «Эффект Циолковского»	201
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. СУРВИЛЛО — Ответственность таланта	208
НАТАЛИЯ ИЛЬИНА — К вопросу о традиции и новаторстве в жанре «дам- ской повести» (Опыт литературоведческого анализа)	224

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Неопубликованные письма Льва Толстого. (Сообщение Л. Любимова, примечания Э. Зайденшнур).— Забытое интервью с Львом Толстым. (Сообщение В. Л.).	231
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Н. Коржавин. Лирика Маршака.— М. Рощин. В испытанном жанре.— З. Паперный. Устная книга.— В. Лакшин. Две биографии.— Александр Дейч. Об эстетике А. В. Луначарского.— Т. Мотылева. Перечитывая Бехера.	239
<i>Политика и наука</i>	
В. Смолянский, кандидат экономических наук. Соревнование и сосуществование.— П. Горностаев. Большая жизнь.— Д. Горин. Малополезный сборник.— В. Твардовская. Петрашевский и петрашевцы.— К. Майданик, кандидат исторических наук. Мемуары дипломата.— Эр. Ханпира. Книга, нужная всем.— И. Ермашев. Джентльмены с «Золотого Олимпа».	262
КОРОТКО О КНИГАХ	282
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

ДИМИТРИС ХАДЗИС

★

ДЕТЕКТИВ

Рассказ

Я велю начертать на моем щите странный и печальный образ.

(Дон Кихот во время бодрствования на постоялом дворе.)¹

Красиво и здесь, в этом маленьком городе, греческом провинциальном городишке. Вокруг горы, реки... И вы, господин Торнтон Уайлдер, конечно, совершенно правы. Какой прекрасной изображаете вы провинциальную жизнь в своей знаменитой пьесе «Наш маленький город»!¹ Мы прочли ее и видели в Греции на сцене, и вы, конечно, правы, что в провинции никогда ничего не случается. Жизнь течет тихо и размеренно, безмятежно-спокойно, в раз навсегда заведенном порядке. Рано утром приходит молочник. Вскоре начинают продавать газеты. В полдень кончаются занятия в школе, и проголодавшиеся ребятишки весело возвращаются домой. Вечером девушки выходят на прогулку. Матери, бабушки, тетки, сидя у окна или на балконе, заставленном цветочными горшками, вышивают, предаются воспоминаниям. Мужчины заняты серьезными делами. Иногда кто-нибудь умирает — такое несчастие! Мы все отправляемся на кладбище, но там тоже ничего не исчезает бесследно. Они являются туда, стоят рядом с нами, совсем как живые — души наших возлюбленных покойников, а если идет дождь, то и они прячутся под наши зонты, чтобы не промокнуть, и беседуют с нами так рассудительно, так благоразумно — сначала о наших делах, потом о наших дочерях, которые уже выросли, повзрослели, невесты на выданье...

И больше ничего не случается. Ни там, у вас, в вашем прославленном маленьком городе. Ни здесь, у нас, в нашем бедном захолустье...

В один прекрасный день нашу безмятежно спокойную и размеренную жизнь несколько нарушило исчезновение Тудасюдаса. Ничего серьезного не произошло. Просто лавочники с нашей единственной торговой улицы на базаре, которые всегда видели его там, как только на часах муниципалитета било девять, не увидев его в то утро, стали спрашивать, что могло случиться. Решив, что он заболел, они послали мальчишку в подвальчик, где ютился Тудасюдас. Там его не оказалось. Они недоумевали. А в полдень, когда прошел по базару полицейский, младший лейтенант жандармерии — старше его по чину не было никого в нашем городишке, — на всякий случай сообщили ему.

¹ Торнтон Уайлдер — американский драматург. (Прим. перев.)

Дознание показало, что Тудасюдас вовсе не приходил ночевать к себе в подвал. Тогда произвели тщательное следствие. Но и оно дало ничтожные результаты. Накануне вечером Тудасюдас до одиннадцати часов сидел в своем излюбленном винном погребок на северной окраине города и, как всегда, преспокойно пропивал свою дневную выручку. Как всегда, пьяный и, как всегда, тихий, он смиренно попросался и ушел, как всегда, один. Здесь следы его теряются. Здесь дело становится темным и запутанным.

Одиноким пожилой человек, тихий, мирный и молчаливый, не отличавшийся никакими странностями, в здравом уме и полной памяти, он в течение многих лет выполнял на базаре мелкие поручения: тотчас прибегал помочь, куда бы его ни позвали, относил покупки, куда бы его ни послали, и вскоре возвращался на свое место — оттого и пристало к нему прозвище, настолько вытеснившее настоящее имя, совсем забытое, никому уже не известное, что он стал для всех Тудасюдас. Его заработка хватало на то, чтобы съесть в обед тарелку супа в харчевне на базаре и выпить вечером в винном погребок — всегда в одном и том же. Ровно в одиннадцать, еле держась на ногах, он уходил и отсыпался в своем подвальчике, утром в обычный час был уже на базаре.

Итак, куда он мог деваться? Уехать из нашего города — но зачем уезжать потихоньку? Ограбить, убить кого-нибудь — это бы раскрылось. Умереть — но куда пошел бы он умирать? Невозможно было понять, что случилось. И только когда прошла горячка, ребятишки на северной окраине города обнаружили, что случилось с Тудасюдасом. Там, в том квартале, где был его винный погребок, в нескольких шагах от него начиналась мощенная плитами площадь с колодецем посередине. Колодец высох, им уже не пользовались, и, так как дети из этого квартала целыми днями играли на площади, его прикрыли деревянным щитком, плотно пригнав его к низкому основанию, чтобы ребятишки не свалились в колодец и не произошли те драматические события, о которых мы читаем в «Женщине-убийце» и других рассказах нашего Пападиамантиса¹.

Итак, дети заметили, что деревянный щиток, успевший уже прогнить, сломан. Они не придали этому значения. Но через несколько дней из колодца стало распространяться нестерпимое зловоние, и они то и дело заглядывали туда. Увидев, что дети все время погибают над колодецем, взрослые, подойдя к нему, обнаружили, что щиток сломан, и тоже почувствовали зловоние — тут-то все и открылось. В колодце находился Тудасюдас.

Опять поднялся переполох, еще больший, чем прежде. Из окружного центра приехали прокурор, судья, врач, приехал и начальник жандармерии — снова началось следствие. Оно тянулось много дней и не пошло дальше того, на чем остановился наш полицейский. Самоубийство исключалось всеми. Если бы Тудасюдас хотел покончить с собой, то, очевидно, выбрал бы не этот колодец, совсем мелкий. А если бы он и хотел каким-нибудь образом в нем утопиться, то, прежде чем броситься в воду, он мог бы сначала снять щиток. Не было никакой необходимости проламывать его головой, не говоря уж, конечно, о том, что самоубийство — привилегия более высоких слоев общества.

Итак, оставалось два объяснения: несчастный случай или преступление. Наш полицейский придерживался первой версии. С давних пор хорошо зная наш городишко и его обитателей, он мог с полным правом утверждать, что Тудасюдас никогда ни с кем не ссорился, ни с кем

¹ Александрос Пападиамантис (1851—1911) — известный писатель, один из основоположников новогреческой литературы.

не враждовал. И это, конечно, не какая-нибудь старая история, или месть, или что-нибудь в этом роде. Грабеж — но что можно украсть у Тудасюдаса? Вот простые разумные доводы нашего полицейского: в тот вечер Тудасюдас опьянел несколько больше, чем обычно; по дороге домой, к себе в подвальчик, сбился с пути; споткнулся, ничего не видя впотьмах, и упал на низкий колодец; проломив тяжестью своего тела гнилой щиток, провалился вниз — и дух из него вон. Что же еще?

Но врач совершенно исключал, что причиной смерти могло быть опьянение. Вот ход его мыслей: если вы падаете в нетрезвом виде в колодец, то летите вниз головой. Но у Тудасюдаса не нашли ни одного ушиба на груди, ни одной царапины на лице. Исследование трупа показало, что смертельный ушиб он получил сзади, в затылок. Он ударился затылком, по-видимому, о внутреннюю стенку колодца, а затем упал на дно — его нашли там в сидячем положении. Значит, очевидно, кто-то толкнул его в грудь, он повалился спиной на щиток и, проломив его тяжестью своего тела, рухнул вниз. Остальное врача не касалось.

Судья пошел дальше. Он категорически утверждал, что здесь кроется преступление. Не обошлось без постороннего вмешательства, иначе бы не случилось то, что случилось, и в поисках новых улик он донимал нашего полицейского. Чтобы угодить ему, тот арестовал всех бродяг и мелких воришек — в нашем городе их было немного — и показал им, где раки зимуют. Опять никаких результатов.

Следствие зашло в тупик. В соответствующих учреждениях и по всему городу обсуждали еще несколько дней, как шел бедняга по улице и упал в колодец, затем папку с материалами следствия закрыли, закрыли новым, более прочным щитком колодец, а Тудасюдас был предан вечному забвению. И «вечная ему память», как говорится в молитве.

Только два человека во всем городишке не забыли так скоро о его гибели. Первым был полицейский. Как раз в то время, когда он дожидался повышения в должности, этот бедняга взял, да и утопился. Словно сделал это нарочно, чтобы навредить ему, доставить неприятности, и к тому же не оставил никаких улик. Судья, в голове которого засела мысль, что здесь кроется преступление, дошел однажды до того, что заговорил с полицейским в оскорбительном тоне. А присутствовавший при этом начальник жандармерии кивнул головой и ничего не сказал. Нашего полицейского глубоко огорчала вся эта история. Погиб человек, что называется, у него на глазах, честный человек, пусть даже и Тудасюдас, но если он, полицейский, не в состоянии ничем помочь следствию, то это не говорит в его пользу и может помешать карьере — так обстояли дела. И хотя следствие прекратилось, он не успокоился.

Вторым был Фодоракис, и тот не мог успокоиться, не имел на то права. Его собственные кровные интересы были связаны с этой смертью и скрывавшей ее тайной. Когда все — и полицейский, и прокурор, и следователь — отступили и сдались, явись тогда он, Фодоракис, и докажи: так-то и так, господа, обстояло дело, и открой им глаза — это не только принесло бы ему честь и славу: сразу бы изменилась его жизнь, изменилось бы все.

К тому времени прошло уже два года, как Фодоракис окончил гимназию. Он окончил ее на «отлично», и учителя советовали его отцу отправить юношу в университет, раз он проявляет такие способности. Отец не смог этого сделать, не имел средств, как он утверждал. Но Фодоракис не особенно огорчился. Он получил в гимназии аттестат с отличием и был вполне удовлетворен. Он кичился им и ждал, пока его

назначат регистратором в провинциальную канцелярию, как обещал его отцу один из окружных депутатов. Назначение задерживалось, Фодоракис все еще кичился и все еще ждал. У отца его была на базаре лавка, вернее сказать лавчонка, но он слыл respectable человеком среди состоятельных граждан нашего городишка. И собственный домик был у его отца. А у Фодоракиса был гимназический аттестат. Карьера государственного чиновника была у него в руках. Итак, он поглядывал на девушек свысока, с презрением завидного жениха, который выберет, конечно, лучшую невесту, когда ему вздумается,— и тогда лопнет от зависти Деспина Димули: ведь отец у нее был из бедных и не имел лавки, она, конечно, и помышлять не могла о том, чтобы выйти замуж за государственного чиновника. В то же время Фодоракис душой и телом томился по Деспине Димули — и вообще по девушкам. Но поглядывал на всех свысока, с презрением будущего регистратора провинциальной канцелярии, затем секретаря начальника округа, а затем... там видно будет. Тем временем его засасывало болото безделья.

Фодоракис и не думал, что оно засосет его, хотя прошел год, целый год. Он уже забыл об отличных отметках; назначение все еще не пришло. Тогда отец отправил его в окружной центр, чтобы Фодоракис сам посмотрел, чем он может заняться. Он поехал и, прожив там несколько месяцев, стал кичиться тем, что получил крещение и что он уже не провинциал — хотя это и был всего-навсего окружной центр. Он получил крещение и как мужчина в городском публичном доме, кичился и этим — хотя продолжал томиться душой и телом. Он сдал экзамены в школу телеграфистов — это тоже государственная служба — и кичился тем, что сдал успешно, хотя не прошел по конкурсу и опять остался без места. Больше никакого применения своим способностям он не смог найти и вернулся к себе в городок. Но он не чувствовал себя побежденным и несколько не тревожился. Возомнив себя столичным жителем, Фодоракис завязывал шелковый шарф на шее так, как завязывали его тогда в окружном центре, всегда носил галстук и считал признаком хорошего тона вынимать беспрестанно носовой платок и, поплевав на него, изящно вытирать им губы. А по вечерам, убивая время в кофейне, он читал, кроме газет, свои любимые детективные романы — приносил их туда и читал до поздней ночи.

Сначала он читал их по привычке, сохранившейся у него со школьной скамьи, или скорее для того, чтобы производить впечатление образованного человека, чтобы все в кофейне видели его погруженным в чтение. Затем постепенно он настолько втянулся, что стал находить в этих романах спасение от убожества своей собственной жизни. По ночам в одиночестве он мечтал, что сам совершит какой-нибудь подвиг, как те, о ком он читал, проявит доблесть и удивит всех: расправится с бандой злоумышленников, угрожающих его городу, спасет человека из рук бандитов. И тогда об этом узнает Деспина. Об этом узнают и прочие и поспешат, конечно, предоставить ему хорошее, очень хорошее место регистратора. Но, чтобы внести ясность, я не вправе умолчать о том, что все это не являлось для Фодоракиса страстью, целиком его поглотившей, то есть болезненным бредом мистика или фантазера. Фодоракис был совершенно здоров. Чуть-чуть лжи нужно было лишь для того, чтобы вечером успокоить его сердце — немного мечты, совсем безобидной. Не вправе я умолчать и о том, что в этих мечтах о подвигах на полицейском поприще была не только жажда вознаграждения и всеобщего признания, но и любовь, стремление к добру. Не слышком много, тоже в меру. Как раз столько, чтобы поддерживать и питать мысль о превосходстве своей личности — Фодоракису хотелось быть не таким, как все.

Еще через год отцу стало тошно смотреть, как сын бьет баклуши, проводит в бездельи день за днем, бесконечные дни. И он встревожился. В городе была типография, принадлежавшая Праксителю, по прозвищу Жаба, страстному голубятнику и неутомимому хвостуну, распространявшемуся о своих победах на поприще гомосексуализма, а в общем-то добрейшему и почтеннейшему человеку, торжественно именуемому Праксителем, а в просторечии Жабой.

В типографии у него имелись траурные рамки для извещений о смерти, которые вывешивали на двери и телеграфные столбы, немного красивого шрифта с позолотой для объявлений о счастливых браках, две-три кассы строчных букв, несколько ящичков с заглавными, маленькая ручная печатная машина и допотопная ножная «виктория».

Отец Фодоракиса пошел к Праксителю поговорить с ним. Он сказал ему, что не верит в назначение сына на место регистратора и что лавчонка не может прокормить их обоих. Они обстоятельно потолковали обо всем и пришли к обоюдному согласию: пусть Фодоракис подучится пока типографскому делу. А там — у Праксителя были свои планы: ему уже порядком надоела эта работа, он выбился из сил — он передаст со временем типографию парню, чтобы тот жил, как люди, и преуспевал. Старик отец обрадовался. Он сказал тогда Фодоракису, что надо чем-нибудь заняться хотя бы временно, пока не выяснится с этим назначением, нельзя же бить баклуши.

Так Фодоракис начал ходить в типографию. Сначала он ходил только после обеда и работал, никогда не расставаясь с пиджаком и галстуком, чтобы все сразу же видели, что он не рабочий, не какой-нибудь поденщик, а лишь помогает Праксителю так, от нечего делать — ведь и в типографии работа умственная, — пока не получит место государственного чиновника — это единственное, что ему подходит. Если он сидел за столиком у окна так, что его видели с улицы, и правил корректуру, он был почти счастлив. Затем он стал ходить в типографию и по утрам, снимал иногда галстук, наконец стал снимать и пиджак. Пракситель положил ему жалованье. Тут успокоился и старик отец.

Сам Фодоракис не мирился со своей участью, не хотел быть рабочим, но и не отказывался от места с тем, чтобы попытаться изменить свою жизнь. Он выжидал. Лелеял мысль о превосходстве своей личности и мечтал о должности регистратора, о выдвижении и всеобщем признании. Время от времени возобновлялись хлопоты о месте, иногда казалось, что дело идет на лад, приходило письмо из Афин, подтверждавшее обещание, приближались выборы, разгоралась надежда — не угасал огонь. Между тем подвиги на полицейском поприще не выходили у Фодоракиса по вечерам из головы — и здесь не угасал огонь. Мечты не доставляли ему прежней радости и стали другими: исчезла любовь, исчезло то робкое стремление к добру, о котором мы говорили. Сочиняемые им фантастические истории прежде кончались тем, что он просто спасал девушку, а теперь она должна была в конце концов выйти за него замуж и подарить ему свою красоту и большое приданое, то есть счастье. А если речь шла о старике, то он спасал богатого старика, в конце концов усыновившего Фодоракиса...

Гибель Тудасюдаса потрясла его. В засасывающем его болоте тайна этой гибели казалась ему веткой, склонившейся над ним, чтобы он ухватился, вцепился в нее. И он вцепился в нее со всей страстью безнадежного отчаяния. Здесь был выход. Какой выход, об этом он не думал и не хотел думать.

Вечерком в типографию заходил иногда полицейский и пил с Праксителем кофе. Он-то как раз и нужен был Фодоракису. С ним впервые

заговорил он о Тудасюдасе в те дни, когда тот исчез и все, в том числе и полицейский, считали, что он куда-то уехал.

— Он здесь,— решительно заявил Фодоракис.— Вот увидите.

— Как так? — спросил полицейский.

Фодоракис не удостоил его ответом и только многозначительно улыбнулся.

Его слова не замедлили блестяще подтвердиться — в колодце был найден труп.

— Что ты на это скажешь? — спросил полицейский Фодоракиса, зайдя опять в типографию.

Фодоракис понял, что пришел его час. Праксителя в это время поблизости не было. Перестав набирать, Фодоракис оперся локтями на кассу, на лице его снова появилась та же многозначительная улыбка, и он стал излагать полицейскому свои доводы: почему он считал, что Тудасюдас — живой или мертвый, это уже другой вопрос — находится здесь.

— Да ты неглупый парнишка,— сказал полицейский.— Настоящий детектив.

В то время полицейского очень огорчало, что следствие топталось на месте, а судья наседавал на него и распекал его, пожилого человека. Ему хотелось поговорить с кем-нибудь, поделиться, и этот парень был единственным человеком, который его понимал. И вот он поведал Фодоракису, сколько горя пришлось ему хлебнуть из-за этого проклятого дела, не скрыл, как он обеспокоен своим служебным положением и дальнейшей карьерой. Фодоракис сел рядом с ним. И он в свою очередь поведал полицейскому о своей страсти, о том, что в душе он детектив, до поры до времени тайный, просто любитель. Но он не успокоится, сказал Фодоракис, пока не доведет дело до конца, не докапается до правды. Ему известны материалы следствия, заключение врача, все данные, которыми они располагают, а также есть у него и свои соображения, все аккуратно, по порядку занесено в тетрадь.

— Ну и ну! — сказал полицейский.— Настоящий детектив...

В тот же вечер, прихватив тетрадь, Фодоракис отправился в полицейский участок. Заперев дверь, они с полицейским сели и принялись обсуждать. Фодоракис доказал, что тот ошибается, считая, что Тудасюдас свалился в колодец пьяным. Это исключено.

— Ну, а что же тогда? Значит, прав судья? Он утверждает, что его бросили туда. Но как ты это докажешь?

— Нет, и он ошибается. Это тоже исключено.

— Что же тогда?

— Тудасюдас стоял у колодца. Он не был пьян. Он стоял там, потому что смотрел на что-то, повернувшись спиной к колодцу. На что он смотрел, это совершенно неважно. И тогда что-то произошло на площади. Он что-то увидел, испугался, хотел бежать, сделал шаг назад и упал спиной на щиток колодца. Проломив его, провалился вниз. Врач прав только в одном: беда стряслась не потому, что он был пьян. Нет здесь и никакого преступления. Совсем другое. Что никакого отношения к Тудасюдасу не имеет. Совсем другое, чего мы не знаем.

Полицейский слушал, опустив голову.

— Что же это может быть? В ту ночь ничего не произошло в нашем городе. На площади никого не было, никто в такое время не проходил там. Мы знаем точно.

— В том-то и дело, что здесь ничего не произошло. Судья ошибается — здесь не было преступления. Но что-то произошло в другом месте. В большом городе произошло убийство около девяти вечера, за два часа до того, как утопился Тудасюдас. Убийцу обнаружили, но не успели задержать. Он тут же скрылся из города. Пешком до нас как раз два

часа, то есть именно в это время наш Тудасюдас стоял у колодца. В тот же вечер, часов в десять, произошло мелкое ограбление на шоссе, километрах в пяти отсюда. Обокрали частную машину. Преступников не задержали. Вот что произошло в ту ночь — пожалуйста.

— А какая связь между этими происшествиями?

— Пока еще я точно не знаю. И убийца и те, кто ограбил машину, скорей всего побывали в нашем городе. Как раз в то время, около одиннадцати. С одним из этих двух происшествий связана смерть Тудасюдаса, его гибель. Как именно, я не знаю. Но я докопаюсь. Когда-нибудь, со временем, я докопаюсь.

И тут полицейский не сказал Фодоракису, что это будет, конечно, иметь очень большое значение, но ему-то самому совершенно безразлично, что произойдет когда-нибудь, со временем. Ему нужно докопаться сейчас, а сейчас соображения Фодоракиса ничего не давали. Однако полицейский признал, что в этом парне сидит сам черт — ведь весь его домисел разумно построен на материале следствия. В свете более серьезного и значительного дела гибель Тудасюдаса уже была не какой-то необъяснимой тайной, а просто загадкой, вопросом, который следовало разрешить в том серьезном деле, нити которого терялись за пределами нашего городишка. Они закрыли тетрадь. Полицейский тепло, с искренней симпатией пожал Фодоракису руку.

— Ты докопаешься,— сказал он. — У тебя, Фодоракис, есть голова на плечах... Составь-ка мне донесение. Пусть лежит там, в архиве. Кто знает, что еще будет...

Через несколько дней Фодоракис отдал ему донесение. Полицейский спрятал его в архив. Конечно, о самом деле он никому не сказал ни слова. Но о Фодоракисе он всем с тех пор говорил: «Какой умный парень! Посмотрел бы ты, братец мой, как грамотно пишет. Вот увидите, он не засидится в типографии: у него будущее — вот увидите».

С тех пор Фодоракис приобрел некоторую известность, и его прозвали Детектив, Фодоракис Детектив. Его это несколько не удивило. Теперь он мог гордиться — его тайное донесение находилось уже в делах полиции, дожидаясь продолжения, которое, по его мнению, не замедлит последовать. И он мог также радоваться, что все признали его исключительные способности, что полицейский его восхваляет и он, конечно, не засидится подручным у Праксителя.

Назначение на место регистратора так и не приходило. Отец Фодоракиса умер. Перестала существовать маленькая лавка на базаре, благодаря которой и его считали состоятельным человеком. Потом Деспина вышла за кого-то замуж. Полицейский получил наконец повышение и уехал из городка — Фодоракис лишился надежного свидетеля своих исключительных способностей. Но и тогда он не счел, что все кончено, ни от чего не отступился: ни от той тайны, что ждала разгадки в полицейском архиве, ни от прочего. Он все еще верил, что у него два огромных крыла, из-за несправедливости судьбы они пока опущены, но когда-нибудь он их расправит. И каждое утро он складывал свои крылья под потертым пальто и шел в типографию быстрым шагом, словно это был путь, который он спешил пройти, миновать, покончить с ним — шел сегодня в последний раз. Вечером он мыл поташом руки, чтобы вывести чернила, ввевшиеся под ногти, и плелся, задумчивый и молчаливый, точно чувствовал себя виноватым — день прошел, и ничего не изменилось, пройдет еще день, и он снова отправится, опять отправится в тот же путь.

Если когда-нибудь вы попадете в наш городишко, вы можете сразу узнать Фодоракиса. Вы найдете его где-нибудь поблизости от единственной торговой улицы, около автобусной станции или в кофейнях, где

сидят и читают написанные на кафаребусе¹ газетные статьи о бессмертном духе греческой нации, где стучат костями и играют в преферанс. Вы тотчас узнаете его. Сын мелкого лавочника, он стал рабочим и не хочет с этим примириться. Это Фодоракис с гимназическим аттестатом в кармане, не получивший места регистратора. Это безвестный детектив, совершивший много подвигов, но все еще не открывший страшную тайну: как случилось, что утонул в колодце мирный человек без имени, а только с прозвищем,— дело серьезное, значительное, и следы его теряются за пределами нашего городишка...

С тех пор прошли годы. Пятнадцать лет. Была война, миновала война, были в Греции и другие события, миновали и другие события. Фодоракис не примкнул ни к левым, ни к правым, сохранял независимость. Он все еще в типографии. Она уже не принадлежит Праксителю. Прежде чем продать ее, он сказал Фодоракису, что они с его отцом строили планы передать дело ему. Фодоракис не захотел, он, мол, не делец и, самое главное, вряд ли останется в типографии навсегда. Ее новые хозяева представления не имели о том, что Фодоракис чуть не стал ее владельцем. Дело разрослось, а он по-прежнему там и трудится наравне с другими рабочими.

И наш маленький город разросся за это время. Старый винный погребок, куда заходил Тудасюдас, снесли, и там высится трехэтажное здание из цемента и бетона — городская гостиница. На маленькой площади сняли плиты и залили ее асфальтом. Исчез бесследно колодец; там теперь несколько деревьев, успевших уже разрастись, и две-три скамейки — зеленый островок в центре площади.

Из старых построек на этой площади остался только домик Деспины, ее отцовский дом, и он стоит до сих пор, а она после замужества продолжает жить в нем.

Вот уже пятнадцать лет, как Фодоракис не проходил по площади. Если он оказывался поблизости, то шел в обход, сворачивал в сторону, чтобы не проходить по ней.

Сегодня вечером он прошел там, сам того не желая; задумался, шагая по улице, и вдруг обнаружил, что очутился на площади. Он быстро осмотрелся. Первым его побуждением было уйти, убежать отсюда. Уже поздно, за полночь, городок спит, нет никого на улицах, дом Деспины заперт — к чему прятаться? Он стоит, смотрит по сторонам. Ясная летняя ночь. Маленькая площадь таинственно сверкает в ночном свете. Он отступает назад к зеленому островку и стоит под деревьями. Все молчит, все застыло. Ему кажется, что это сон. Здесь словно в театре, дома вокруг ненастоящие — декорации, намалеванные красной и синей краской. Дом Деспины прямо перед ним. Налево, там, где теперь трехэтажное здание, находился винный погребок, куда заходил Тудасюдас. Плиты в такие ночи, наверное, прежде белели и сверкали, как мраморные, как во дворце. Все словно в театре. И тишина. Вот-вот начнется представление.

И вот... Тудасюдас выходит из своего винного погребка. В такую ночь он упал в колодец. Это записано в тетради. И тогда было полнолуние, сияла круглая луна — настоящая иллюминация. В одиннадцать часов, как всегда. Пьяный, как всегда, ни чуточки больше. Идет, петляя, покачивается на ходу и, кажется, очень доволен. Проходит по площади. Вот он у колодца. Колодец был здесь, именно здесь, где стоит сейчас Фодоракис, под этой скамейкой. Тудасюдас остановился тогда там, у

---

¹ Ка ф а р е в у с а — искусственное приближение новогреческого языка к древнегреческому.

колодца, полюбоваться волшебством ночи... На этом обрывалась запись в тетради Фодоракиса...

Опять видение.

В тиши ночи быстрые легкие шаги, они все приближаются, дробный гулкий стук по тротуару. Женщина. Это Деспина Димули. Как раз двадцать минут двенадцатого она возвращалась с тетушкиных именин. Двадцать минут двенадцатого, он помнит это прекрасно.

Еще одна запись в тетради.

На допрос Деспину не вызывали, не знали, что она видела, как Тудасюдас стоял у колодца. Но Фодоракису она потом сказала, и он внес это тоже в тетрадь, но не придал значения, не думал тогда, что это имеет связь с делом, ему и в голову не пришло, что это могло иметь связь.

— Я увидела тень. Кто-то стоял у колодца,— сказала ему тогда Деспина.— Я решила, что это ты.

Нет, это был не он.

— А почему это был не ты? Я любила тебя, и ты это знал. Меня ничуть не огорчало, что ты не получил места регистратора. Я была бедна.

Запись обрывается...

Это Тудасюдас стоял там, у колодца, в такую же волшебную ночь, как сегодня. Стоял, слышал приближавшиеся шаги. Остался там, чтобы увидеть женщину. Вскоре она появилась в углу сцены, прошла перед домами, высокая, стройная, такая была тогда Деспина — словно видение в лунном свете. Она вошла в дом. На верхнем этаже справа, в комнате, где она спала, засветилось окно. Тень девушки мелькала в комнате, несколько раз падала на окно. Тудасюдас все стоял. Стоял и радовался, когда видел эту тень, ждал, чтобы она снова упала на окно.

Фодоракис улыбнулся. Вот в чем была связь. Вот почему Тудасюдас стоял там, вот на что смотрел.

Опять запись в тетради.

— Я погасила свет,— рассказывала Деспина,— и выглянула из-за занавески осторожно, чтобы никто меня не заметил. Он все еще был там, стоял, никуда не уходил. Я выглянула еще раз. Мне хотелось, чтобы это был ты...

На этом кончилась запись — пятнадцать лет назад. На этом кончилась, оборвалась и жизнь Фодоракиса. Он смотрит по сторонам: видения растаяли в холодном лунном свете. Все вокруг стало совершенно чужим. Представление кончилось, исчезли декорации, плиты, мраморный дворец, здесь нет ни души. Нет уже света в том окне, и незачем ему стоять и дожидаться, чтобы промелькнула тень. Нет уже никакой Деспины в том доме, в этом городе, нет нигде. У него вырывается глухое, сдавленное рыдание, сдерживаемое пятнадцать лет, он шепчет:

— Деспина...

Закрыв лицо руками, отворачивается, тяжело опускается на скамейку — чтобы выплакаться. Сиденье скрипит под его тяжестью — и вдруг Фодоракис вскакивает, потрясенный, растерянный. Он забывает о своем горе; рыдания замирают у него в груди, не успев вырваться. Мысль начинает работать необыкновенно четко, он мгновенно переносится в прошлое, снова и снова возвращается к прошлому. Потом мысль останавливается, точно механизм, настроенный на скрип скамейки. А дальше — дальше уже нет ничего.

Так было дело. Так было дело и тогда. Так и тот закрыл лицо руками, когда в окне погас свет, сделал шаг назад, чтобы сесть — чтобы выплакаться. Скамейки не было, был гнилой щиток. Тудасюдас провалился в колодец.

Здесь нет никакой гайны, преступления, нитей, теряющихся вдалеке, убийц, грабителей. Нет никакого торжества правосудия, дело так и

будет лежать в архиве, нет никакой славы, хотя Фодоракис и раскрыл тайну. Потерянная молодость, загубленная жизнь и обманутые мечты, в которые — теперь он это знает — он никогда не верил...

Фодоракис снова опускается на скамейку, закрывает лицо руками и дает теперь волю слезам, плачет беззвучно, горько, окончательно смирившись.

На площади раздаются медленные тяжелые шаги. Фодоракис испуганно вздрагивает. Ему кажется, что это идет Тудасюдас. Он поднимает голову. Это полицейский возвращается с ночного дежурства. Он знать не знает об исключительных способностях Фодоракиса. Остановившись, полицейский смотрит и сразу узнает его: это чудак наборщик Фодоракис, по прозвищу Детектив. Полицейскому не кажется странным или опасным, что тот сидит на скамейке, и он идет дальше своим путем. К тому же нет больше колодца, и ему, подобно его предшественнику, нечего опасаться неприятностей с такими вот неудачниками, которых в такие вот ночи одолевает грусть и они садятся там, где стоят, и плачут. Конечно, и у вас тоже, господин Торнтон Уайлдер, и в нашем захолустье. Но в такой поздний час мы: Деспина, вы и я.— погасив свет, закрыли уже окно и не видим их, не слышим, как они тяжело опускаются на скамейку, а иной раз летят в объятия смерти.

Перевела с новогреческого
Н. Подземская.

